

СКАЛЬНЫЕ СВАТИЛИЩА СИПАН И СИПИЛ (ИШПИЛЕ)

ЭММА ПЕТРОСЯН

Рассмотрение значения основы *span(d)*, восходящей к и.-е. **k'uen-to*, дает возможность на основе текстов, сохранившихся в армянском, греческом и иранском фольклоре и в верованиях, реконструировать один из армяно-фригийских архаичных ритуалов – жертвоприношение. Мы исходим из того, что если значение данного термина утрачено в одной языковой традиции, то оно может быть восстановлено данными языка и культуры другой родственной ей группы, в которой сохранились более архаичные семантические поля.

Одно из ключевых слов с основой *span(d)* – поэтический размер греческих песнопений при жертвенных возлияниях – *spondeios*, *sponde* – «спондей» – стопа. Спондей может переходить в дактиль – *spondeedaktil*, причем *daktilos* – «палец», а во мн. ч. *daktiloi Idaioi* – «жрецы Кибелы»¹. Понятие стопы (ступни) изначально связано с ритмическим движением в танце. В то же время термин *spondeion* (спондей) означает чашу для возлияний, а *spendo* – 1. совершать (возлияние); 2. совершать возлияния из чаши, кубка². Это также минорный, фригийский лад, названный в сочинениях античных авторов спондеическим модусом.

В спондеическом модусе играли мелодии, пели и плясали. К. М. Худабашян обратила внимание на связь значения термина спондей с выводом Г. А. Капанцяна о связи др.-арм. *spand* – «жертва», «жертвоприношение» и хетт. *šipant* – возлиять, жертвовать молоко, вино и прочее богам³. Однако возможно расширить значение термина *spand*.

По Г. А. Капанцяну, «*spand* – «жертва», «жертвование», «убийство», откуда – «место разделки мяса», «бойня», «место для жертвоприношений» ... Еще Фр. Грозный в *Sprache der Hettiter* связывал хеттскую основу *spand* с нем. *spanden*, лат. *spondeo* – «свято обещаю, даю обет», греч. *spendo* – «возлиять (вино, молоко и др.) богам»⁴.

Р. Ачарян приводит хаттск. *šipant*, переводя его как арм. *zohel* – «жертвовать»⁵.

¹ Древнегреческо-русский словарь (далее – ДГРС). Сост. И. Х. Дворецкий, т. 1–2. М., 1958, с. 342.

² Там же, с. 1495–1496.

³ К. М. Худабашян. Еще раз о Горани. – Республиканская научная конференция Института археологии и этнографии НАН РА «Народная культура армян». Тезисы докладов. Ереван, 1999, с. 40.

⁴ Гр. Капанцяна. *Shetto-Armeniasa*. Эривань, 1931, с. 47–48.

⁵ Հր. Աճառյանի. Հայոց լեզվի պատմություն, Երևան, 1940, էջ 146:

С целью расширения значения *spand* в ритуале, приведем латинские термины: *sponda* – 1. подножие, подставка; 2. ложе, 3. смертный одр, катафалк; *spondeus* – спондей; *spondialia* – песнь при жертвоприношении в сопровождении авлоса. Все термины вошли в латинский из греческого⁶.

Итак, термин спондей – наиболее характерный метрический размер в песнопениях-танцах и чаша с жертвенными возлияниями, а понятие смертного одра, катафалка указывает на трагический смысл слов с основой *spand*.

Армянское *սփանդ* – не только «жертва», но и растение *սփանդ* (диал. *հարմալ, փարի ւիւլիւց, իւլիչիկ*), лат. *Peganum harmala*, русск. «могильник», что прямо указывает на связь с понятием смерти. Французы называют это растение *Syrian rue* – «Сирийский путь»⁷. Возможно, что название указывает на заимствование или распространение его в Малой Азии. Растение *спанд*, как покажем ниже, связано с воскурением благовоний, а может быть и с наркотиками в ритуале почитания Кибеле. В пользу этого предположения указывает также диалектное название этого цветка – *санам*⁸, известного также как женское имя и возможное прозвище богини. Согласно доисламским верованиям арабов, «если (идол) был сделан из дерева, или золота, или серебра по образу человека, его называли *санам*, а когда он был из камня, то назывался *васан*»⁹.

В парфянский и сасанидский периоды в Иране одним из видов ордалий было испытание путем питья ритуально приготовленной жидкости. В Авесте упомянута ордалия соком растений, применявшихся для жертвенных возлияний. Применение в ордальном суде (*datastan pat var*) ритуальных сосудов – чаши или котла с содержимым того или иного состава и температуры известно как за пределами Ирана, так и в самом Иране¹⁰. Полагаем, что одной из составляющих в этой жидкости был сок из растения *спанд* как ядовитого или наркотического. Нет сомнения, что в соседней Армении, периодически бывшей под властью селевкидов и парфян (II–I вв до н. э.), тоже был обычай ордалий (*datastan*) – испытаний кипящей жидкостью, водой или маслом.

Согласно армянскому средневековому врачу Амирдовлату, растение *spand* имеет опьяняющее свойство: из него можно готовить хмельной напиток, вино¹¹.

⁶ Латинско-русский словарь (далее – ЛРС). Сост. И. Х. Дворецкий и др. М., 1949, с. 817.

⁷ Ռ. Ս. Ղազարյան. *Բուսանունների հայերեն-լատիներեն-ռուսերեն-անգլերեն-ֆրանսերեն-գերմաներեն բառարան* (далее – *ԲԲ*), *Երևան, 1981*, -1114:

⁸ Ս. Թորոնյան. *Հայաստանի դեղաբույսերը*, *Երևան, 1983*, էջ 239:

⁹ Хишам ибн Мухаммад Ал-Калби. Книга об идолах. М., 1984, с. 35.

¹⁰ А. Г. Периханян. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983, с. 289, 295.

¹¹ Ս. Թորոնյան. Указ. раб., с. 240.

Известно, что экстагические средства применялись в мистериях и в посвяжительных обрядах.

Растение *спанд*– *rue, ruta, harmala* растет у могил и на старых развалинах. Женщины собирают его, сушат, заплетают косичкой и вешают на видном месте в торговых лавках, домах от сглаза¹². В современном Иране *spand/espand/ispan/sipend* при сбивании масла привязывают к маслбойке и поют обрядовую песню¹³. Чтобы защитить ребенка от сглаза, в комнате, в чаше возжигают траву *espand*, чтобы изгнать злых духов.

В. Н. Топоров высказывает предположение о возможной связи лит. *šsvendras* (и.-е. *k'uen-dh-ro*) – «род камыша», «тростник», с некоторыми названиями ботанических растений типа вахан. *spandr* – «гармала» (*Peganum harmala*) и относит его к сакрально отмеченным¹⁴.

Итак, все данные указывают на широкий ареал верования в магическую силу хетт./арм. *šipand/špand/spand*, лат. *Peganum harmala*, русск. могильник, франц. *Syrian rue, Harmelraute*, нем. *Harmelstrauch*, перс. *espand* от хетт./армянского, иранского, среднеазиатского регионов на восток и от хетт./армянского, русского, немецкого, французского – на запад. Понятно, что это растение по своим функциям входит в состав мифологического гербария.

Р. Ачарян, приводя значение растения *spand* как растущего на могилах, возводит его к перс. *sipand*, пехл. *spand*, далее к зенд. *spñta* – «святой», ст.-слав. *sveti* – «святой», «праздник», и все слова восходят к и.-е. *k'uen* – «праздновать», «священнодействовать». По Х. Хубшману, вплоть до наших дней персы, как и древние зороастрийцы, окружают покойника травой *spand* и окуривают ею тело как ладаном. Там же Р. Ачарян приводит имя божества Сандарамет / Сандарамет, которые он считает идентичными¹⁵.

Основу имени божества Сандарамет Ф. Мюллер, Н. Эмин, Х. Хубшман, Р. Ачарян и др. связывают с названием растения *спанд*. Они тоже отмечают, что современные персы считают растение *спанд/сипанд* оберегом. Там же Р. Ачарян под термином Сандарамет приводит в словаре ряд значений средневековых авторов и его этимологию: *sandaramet* – «глубокая пропасть», «яма»; «повелитель ада», «сатана»; *spandarametakan* – «обиталище духов», «мертвецов»; *Sandarapet* – «повелитель ада»;

¹² Կ. Գ ա ր Ի Կ յ ա ն. Հայ բուսաշխարհ, Երուսաղեմ, 1968, -1311:

¹³ Ա ր է Ֆ Մ ն հ ա մ մ ա դ Ա ս ր ա ր Ի. Իրանի Քուիջան շրջանի ժողովրդական թատերականացված ծեսերը. – Պատմ. գիտ. թեկ. գիտ. աստ. հայցման ատենախոսությունների, Երևան, 2008, էջ 9:

¹⁴ В. Н. Т о п о р о в. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *svet-. – Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987, с. 213, прим. 43.

¹⁵ Հ ր. Ա ճ ա յ յ ա ն. Հայերեն արևատական բառերի (далее – ՀԱԲ), հ. IV, Երևան, 1979, էջ 260, Մշակույթի արևմտյան տեղի Մանրագրեր:

Sandaramet – так в армянском переводе Библии назван Дионис или Вакх, а *spandarametakan* – «вакхический»¹⁶.

В армянской мифологии Спандарамет/Сандарамет – дух подземного мира и сам подземный мир. В раннесредневековой литературе несколько раз упоминается имя Спандарамет/Сандарамет. Так, писатель Ованн Мамиконян (VIII в.) утверждал, что на священной горе Карке были «врата ада», бездна (ворота смерти) – место обитания Сандарамет¹⁷. А историк Товма Арцруни (XI в.) считал землю постоянным двором Спандарамет, т.е. местом ее пребывания. Связь с землей, преисподней указывает, что Спандарамет наделена также функциями божества плодородия и растительности¹⁸.

Лингвист Г. Б. Джаукян полагает, что в древних религиозных верованиях армян слово *andund* означало подземный мир (арм. *an-dund* соответствует русск. без-дна, т.е. бездна), а впоследствии произошла замена на слова *sandaramet* и *džoxk* (ад) иранского происхождения¹⁹.

В иранской мифологии Спандарамет олицетворяет возделанную (вспаханную) землю, супругу бога Неба, древнюю хтоническую праматерь. Считается, что в зороастрийскую эпоху была практика человеческих жертвоприношений: людей закапывали в землю, чтобы угождать подземному божеству²⁰. В зороастрийскую эпоху Спандарамет соответствовала Спэнта Армайти – духу земли. Армайти считалась богиней земли (недр), невестой или дочерью Ахурамазды – творца неба и земли. «Ормузд – более поздняя форма имени Ахура-Мазда (на пехлеви), а пехлевийская форма Амэша Спэнта – Амахраспанд»²¹.

Итак, *spand*, *spenta* – «святой», а растение *спанд* – священное, и все понятия восходят к значению преисподнии и жертвы земле.

Поскольку Ахурамазд вошел в армянский пантеон под именем Арамазд, то, согласно армянской мифологической традиции, дочерью (женой) Арамазда была Анаит – тоже богиня недр, земли, преисподней и плодородия, как и Армайти и Сандарамет / Спандармет. Так как в иранской мифологии Сандармет олицетворяет возделанную землю (пашню), то можно по аналогии с армянским Вахагном и его супругой Анаит сделать вывод об их типологической связи с Деметрой и земледельцами-пахарями Триптолемом, Гордием, Веретрагной и другими божествами этого порядка.

Выше мы привели мнение Г. А. Капанцяна о связи армянского с лова *spand* – «жертва» и хеттского *sipant* – «возлияние богам вина и молока», т. е. значение обоих слов восходит к понятию жертвоприношения в виде ритуального

¹⁶ Там же, см.: *Մանրարամետ*:

¹⁷ Հ. Մ ա լ ի լ յ ն ի յ ի. *Տարնի պատմություն, Երևան, 1989, էջ 25:*

¹⁸ С. Б. А р у т ю н я н. Спандарамет, Сандарамет. – Мифы народов мира (далее – МНМ), т. 2. М., 1982, с. 466.

¹⁹ Գ. Բ. Ջ ա հ ո յ ի յ ի. *Լեզվապահ նոր տվյալներ հայոց նախաքրիստոնեական կրոնի և հավատալիքների մասին.* – ՊԲՀ, 1992, -1, էջ 29–30:

²⁰ МНМ, т. 2. См.: Спандармет.

²¹ М. Б о й с. Зороастрийцы. М., 1987, с. 39, прим. 14.

напитка. Р. Ачарян приводит термины, которые как в фарси *sipendarmet* – «земля», «недра», так и в перс. *sipandarmad* – «недра», имя ангела²² – покровителя земли, деревьев, леса, имеют основу *sipan/sipen*. Мы причисляем сюда арм. *ušūq* – «ступа», «ступка» как мифологическая символика чрева, недр, преисподнии, утробы, в которой толклось все, и возвращалось в нее, отжив свой век, чтобы снова возродиться на свет, и арм. *սիւսիկ սիւսիկաւ, քիւկ* – «пест», в то же время *սիւսիկ* – «пестик», в основе которого «пест» – орудие для толчения чего-нибудь²³.

В ордальном ритуале персов испытываемый становился в «очерченный бороздой круг, обратив лицо к священному огню; в этот же круг ставили *ступку*, которой пользуются при литургии «Ясна», и пестик ее должен был быть повернут в направлении груди приносящего клятву²⁴.

Учитывая этимологию Г. А. Капанцяна: «хетт. *ššipant-* (sippant-) = *spant-//spand-* (наст. время, 3-е лицо, ед.ч. *sipanti, sippanti*, мн.ч. *sipandanzi, sippanddanzi*), *զեղել*, «возлиять», *զոհել* (*զենոսիւի*), *սվիրել* – *զոհարել*²⁵, мы предлагаем связать название армянской горы Сипан и фригийской Сипил.

О фригийской горе Сипил имеется упоминание в клинописных источниках. В анналах ассирийского царя Ашшурнасирпала II (884 – 859 до н. э.) повествуется о том, что при возвращении ассирийцев из стран Наири в область Нирбу, что в горах Кашийари, жители девяти поселений покинули свои жилища, переселившись в укрепленный город и крутую гору Ишпилибрию²⁶.

По О. О. Карагезяну, в одной из надписей Аргишти II (713 – 685 гг. до н. э.) упоминается Ишпиле: «стрелу выпустил <...> до сада Ишпиле, сына Бату»²⁷. Итак, слово *ишпиле* означает гору, город и имя собственное. «Имя Ишпиле (*Išpile*), на наш взгляд, имеет индоевропейское происхождение и тяготеет к западу, где оно могло встречаться в форме *Спил (**Spil*) или *Сипил (**Sipil*), так как клинописное **išp* соответствует буквенному написанию **sp* или **sip*²⁸.

²² *ՀԱԲ, հ. IV*. См.: *Սիւսիւսիկաւ, սիւսիկ*. Словарь не дает этимологию арм. *լ սիւսիկ* – «ступа», «ступка», лишь приводит лат. *sanitas* – «здоровье», что совершенно не соответствует семантике ступки.

²³ Ступа означает женщину, а пестик – мужчину. См.: А р т е м и д о р. Сонник. – «Вестник древней истории». М., 1990, ¹ 3, с. 244.

²⁴ См.: А. Г. П е р и х а н я н. Указ. раб., с. 292.

²⁵ *Փ. Ս. Ղ ա ղ ա ղ ի ճ յ ա ն. Հայոց լեզվի սիւսիւսիկաւ. Հին շրջան, Երևան, 1961, էջ 199–200:*

²⁶ Н. В. А р у т ю н я н. Топонимика Урарту. Ереван, 1985, с. 94–95.

²⁷ О. О. К а р а г е з я н. Фракийцы на юго-западе Армянского нагорья. – ИФЖ, 1981, ¹ 1, с. 218–229. Имя Бату встречается в имени армянского князя и полководца Бат Сааруни, современника царя Артавазда (374–378 гг.). Носителем того же имени является отшельник Бат из Персии и Бат – властелин Хлата и Нпркерта, современник Гагика I (990–1017 гг.).

²⁸ Там же.

В. Н. Топоров, этимологизируя название малоазийской горы Сипил, расположенной в горной цепи Тмол, на границе Лидии и Фригии, приводит несколько индоевропейских основ: *sep-: *sop, *sp, зафиксированных в хет. *š'ip-*, *š'ap* – «скоблить», «лучить» (зерно?), и полагает, что в этом термине заключено также понятие оскопления, мучения, оскорбления. Эти значения типологически соответствуют назначению оргастических обрядов, совершавшихся над юношами, посвящавшими себя служению фригийской Кибеле и др.

В то же время В. Н. Топоров полагает, что «такая семантическая мотивировка горного названия оказалась бы вполне оправданной (кстати, имеющей немало параллелей этого рода), когда речь идет о горах кристаллической, «острогранной» и/или «слоистой» структуры (ср., между прочим, у Софокла *Sipilo pros akro* – «на вершине Сипила») при *akros*, *akron*, *akro*, *akroi*, *akre* – применительно к вершине, выступу, краю – и в контексте индоевропейской этимологии – к *ak/*ok – «острый», «режущий/резкий». В этой же связи нужно помнить, что «острыми» горами называются именно *каменные горы*... т.е. вся горная цепь Тмола, включая, естественно и Сипил»²⁹.

По Р. Ачаряну, арм. *sep* – «остроконечная скала», «камень», «вершина горы»³⁰, вполне соответствует той же характеристике горной гряды Тмол и горы Сипил.

В. Н. Топоров также приводит лат. *sepelio* – «погребать», «хоронить» и ухудшающие смыслы «губить», «уничтожать», др.-инд. «читать», «почитать», «посвящать», «жертвовать», т.е. совершать религиозное почитание³¹.

Мы хотим сопоставить легенды и мифы, сложившиеся в священных горах Сипил и Сипан, выявить мотивы и по возможности попытаться реконструировать армянские версии мифа. Основанием для сопоставления служит свидетельство Хоренаци: «Но если ты любишь легенды, (то знай) – Шамирам (обратилась) в камень прежде Ниобеи»³². Значит, род Пелопидов и перипитии их судеб были известны армянам.

В древнегреческой традиции гора Сипил связана с историей рода Тантала³³. Он –сын Зевса или Тмола³⁴, царь Фригии, отец Пелопа, Ниобеи и Бротейя. На отрогах Сипила находится утес под названием «Трон Пелопа», родовая усыпальница Пелопидов. Согласно мифу, Тантал пригласил богов на пир на гору Сипил. Видя, что еды не хватит, он

²⁹ В. Н. Топоров. Миф о Тантале. – Палеобалканистика и античность. М., 1989, с. 75–76.

³⁰ *ЗУФ*, h. IV, см.: *uḫu*:

³¹ В. Н. Топоров. Миф о Тантале, с. 76.

³² Мовсес Хоренаци. История Армении, пер. Г. Саркисяна. Ереван, 1990, 1, 18.

³³ Р. Грейвс. Мифы древней Греции. М., 1992; В. Н. Топоров. Миф о Тантале, с. 61–118.

³⁴ Тмол – божество горы Тмол. Тмол был увенчан дубовым венком. См.: Р. Грейвс. Указ. раб., с. 292.

разрубил своего сына Пелопа на куски. Однако боги, за исключением Деметры, догадались о подлоге.

Обратим внимание на мотив расчленения Пелопа. Отец Тантал, фактически, приносит жертву богам, т. е. совершает *spanđ* – «жертвоприношение». По Аристиду, «во время разрубления мяса Пелопа плясал Пан»³⁵. Мы полагаем, что этим танцем был *spondialia* под сопровождение игры на авлосе.

За это преступление Тантал был наказан: его царство разрушено, а он низвергнут в преисподнюю. Там над ним свисает одна из скал горы Сипил и грозит размозжить его голову. Это место недалеко от Танталова озера, в котором по горло в воде стоит Тантал, и где гнездятся белые орлы. Можно сопоставить гору Карке – «Каменная», где находились «врата бездны», с одной из скал горы Сипил.

«Каменная» тема, существенная для Тантала (каменная скала, висящая над ним), получает особое развитие в связи с историей его дочери Ниобы (Ниобеи), судьба которой тоже связана с горой Сипил. Ниоба родила шесть сыновей и шесть дочерей (античные авторы называют разное число детей). Старшего сына звали Сипил. Ниоба очень гордилась ими и нелестно отзывалась о Лето, матери только двоих детей – Аполлона и Артемиды. Пророчица Манто, услышав хвастовство Ниобы, испугалась за ее судьбу и посоветовала воскурить в честь Лето благовония³⁶. Когда по воздуху разнесся запах благовоний, то появилась Ниоба во фригийских одеждах. Она прервала церемонию жертвоприношения, возмущаясь, что возвеличивают Лето, а не ее – царицу из дома Кадма³⁷. Лето послала своих детей Аполлона и Артемиду наказать Ниобу. Те поразили стрелами всех фиванцев и детей Ниобы, за исключением Амикла и Мелибеи. Девять дней и ночей Ниоба оплакивала детей, которых некому было захоронить, так как Громовержец всех превратил в *камень*. Ниоба же окаменела от горя и ее, окаменевшую, ветер перенес на Сипильские горы в Малую Азию – на родину своего отца Тантала. Из скалы-изваяния Ниобы все время капают слезы. Считается, что на вершине горы Сипил также родовая усыпальница (лат. *sepulcrum /sepelio* – «гробница») Пелопидов, т. е. их родина, где покоятся останки всего рода, включая и сына Ниобы Сипила. В. Н. Топоров полагает, что не исключены малоазиатские связи термина *sepulcrum /sepelio* с латинским³⁸.

Можно сопоставить мотив многодетности Ниобы с армянской версией легенды о том, что на горе Сипан около святилища Адилджеваз есть

³⁵ В я ч. И в. И в а н о в. Возникновение трагедии.– Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988, с. 247.

³⁶ Мотив жертвоприношения благовонием соответствует возжиганию священной травы *спанд*.

³⁷ Кадм в армянской мифологии – внук прародителя армян Айка, в греческой мифологии – зять Ареса (арм. Арайя).

³⁸ В. Н. Т о п о р о в. Миф о Тантале, с. 77.

Богомолье Сорока братьев, называющееся так потому, что там родилось 40 детей. Овцы, пасущиеся на этой горе часто рожают по два ягненка. А одна женщина родила сразу 7 детей. Эвлия Челеби (XVIII в.) пишет, что он не поверил рассказам старцев Адилджеваза, но ему показали запись в тетради: «В этот век в местечке на горе Сипан женщина по имени Мовел Седжа родила сразу 40 детей – 20 девочек и 20 мальчиков»³⁹.

В армянских преданиях о горе Сипан проступает также мотив поиска места и «перенесения» людей. Примером может служить легенда о поиске пристанища (места) Ноеву ковчегу. Такова старинная песня, дошедшая до нас благодаря полевым записям архиепископа, этнографа

Г. Срвандзтянца: «*Ноев ковчег приплыл к Сипан./ Сказал: «Сипан, приюти меня, приюти меня!»/ Сипан ответил: «Иди к Масису, иди к Масису./ Он больше меня, он выше меня».* Ковчег приплыл с гор Кордукских к Сипану, прошел по вершине горы Гргур и, продираясь, сокрушив острую вершину Гргур, проплыл по ней»⁴⁰.

В другом варианте гора Сипан упоминается в связи со священной двуглавой горой Масис и с легендой о Ноевом ковчеге, который проплыв по горе Гргур, срезал ее вершину. От этого грохота гору назвали Гргур. Далее ковчег приплыл к горе Сипан и обратился к ней: «Сипан, приюти (возьми) меня, приюти меня! Иди к Масису, он выше меня. Масис, приюти (возьми) меня, приюти меня! Ну, прыгни мне на шею, прыгни на шею... Ответил Масис и ковчег остановился на вершине Масиса, где остается до сих пор. Народ рассказывает, что никто не может подняться на вершину Масиса и увидеть там ковчег»⁴¹.

По всей вероятности, единое семантическое поле составляют понятия ковчега-лодки как *хранилища* (лат. *sipidnos, sipia* – мучной или хлебный ларь), что связано с символикой женщины, лона, в данном случае хранилища лущенного (хет. *š'ip-, š'ap*), раздробленного ступкой (арм. *sapd*) зерна, как символа смерти, и расчлененного Пелопса, убитого Сипила, *похороненного* в горе Сипил, а также остальных убитых детей Ниобы⁴², ср. хранилище – хоронить.

Конечно, в Ноевом ковчеге были все существа по паре, *спасающиеся от смерти*, но все же опасность быть затопленными на горе Сипан им угрожала, поэтому поступил совет перебраться подальше и повыше – на Масис, и всем собраться там.

³⁹ Է վ լ ի ա Չ է լ է բ ի. Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, գիրք 4. Թուրքական աղբյուրներ, Գ, Երևան, 1967, էջ 219:

⁴⁰ Գ. Սրվանդյանի և Վ. Սրվանդյանի. Երկեր, հ. 1, Երևան, 1978, էջ 53:

⁴¹ Մ. Մնվուխյանի (Բենետ). Մուշ-Բուլանդի. – Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն, հ. 3, Երևան, 1972, էջ 49:

⁴² Впоследствии боги собрали части Пелопса и оживили. Он с Сипила через Эгейское море направился в Пеласготида, назвав ее Пелопонессом, т. е. островом Пелопса. Не исключено, что в мифе сохранилось передвижение одного из племен фригийцев.

В данном эпизоде и Сипил, и Сипан не являются убежищем, а местом, где живым угрожает гибель (*spand*). Полагаем, что в армянской версии мифа сохранился архаичный, недостающий во фригийском эпизод *поиска* олимпийскими богами места, куда опустить скалу-Ниобу.

Но все же судьба Сипила связана с потопом, стихийным бедствием и погребением. Павсаний сообщает, что город на горе Сипил исчез в разверзнувшейся бездне, которая заполнилась водой и стала озером Танталида⁴³, в которое погружен Тантал. Землетрясения разрушили город Магнесию, лежащую у подножия горы Сипил⁴⁴. Из-за сильных землетрясений гора Сипил разрушилась, образовались болота, а Трою затопило волнами⁴⁵.

В армянском предании о горе Сипан у Хлата (Нех Масик, в турецкой топонимии Сюпхан) тоже присутствует мотив сокрушения города. Эвлия Челеби приводит легенду о том, что основателем Миафаркина – города и крепости, был Черджис Бени из рода католикоса. Однако жители города через некоторое время перестали доверять Черджису и на горе (Сипан?), расположенной у крепости Миафаркин, сожгли его в огне и пепел развеяли по ветру. Однако по приказу католикоса пепел снова собрали и воскресили (ср. с судьбой Пелопса).

Ныне, на высокой горе за крепостью, где был пепел Черджиса, не растут ни растения, ни травы. Черджис проклял жителей этой крепости, и из берегов моря Ван, из горы Сипан вышел *великан*, который полностью уничтожил население крепости и сделал ее нелюдимой. Потом эту крепость разрушил Набугоносор. Крепость несколько раз сооружали и разрушали во время набегов врагов. По свидетельству Челеби, развалины крепости сохранились до сих пор⁴⁶.

Еще одну легенду записал Г. Срвандзтянц в окрестностях долины Маназкерта, недалеко от заснеженной, обледеневшей вершины горы Сипан в Хлате, окруженной мелкими холмиками *черного* цвета. «Окрестные жители рассказывают, что на горе Сипан была крепость армянского царя. Там есть потайная дверь в подземелье, которую знает только один маназкертский курд, и эта тайна принадлежит его роду, передаваясь от отца к сыну. Раз в десять лет этот курд входит через дверь в гору Сипан и остается там несколько дней.

Хотя он не показал дверь, но рассказал, что под Сипаном, находится город с большими строениями и арками. Там гуляет суровый ветер, и нет света. Там же дома, дворцы, рынки и площади. Имеется несколько железных дверей, которые всегда заперты. По всей вероятности, за ними находится царское хранилище оружия. А может быть там амбары, полные сухого хлеба – сухарей. Широкая река проходит через город...

⁴³ Павсаний. Описание Эллады, VII, 24, 7.

⁴⁴ Страбон, XII, 8, 18.

⁴⁵ Там же, II, 3, 17.

⁴⁶ Эвлия Челеби (указ. раб., с. 189–190) свидетельствует, что он 10 лет жил в Миафаркине и эта история ему подробно известна.

Сипан для окрестных жителей Олимп и Парнас»⁴⁷. Это сравнение означает, что в центре многих преданий действие разворачивается вокруг мифической по своей сути горы.

Мотив стихийного бедствия постоянно повторяется в разных вариантах, как бы подтверждая семантику термина *spand* – «убийство». Таковы исчезнувший в разверзнувшейся бездне фригийский город на горе Сипил, армянская разрушенная нелюдимая крепость Миафаркин около горы Сипан; бывшая крепость на вершине горы Сипан, оказавшаяся в разверзнувшейся бездне гора Сипан; «каменистость» Сипила и Сипана и хлебные амбары-хранилища.

Эвлиа Челеби приводит два варианта легенды о *великане*, заточенном в горе (пещере) Сипан у озера Ван, недалеко от города Хлат, которые напоминают судьбу армянских мифических героев – кузнеца Артавазда и одного из героев эпоса Сасна црер Мгера младшего. Это рассказ о *великане* со змеиным хвостом, каким в античной живописи изображали Кадма. «На севере озера Ван около крепости Адилджеваз (Арцке – Э. П.) на горе Сюпхан (Сипан) до сих пор закован восьмиглавый *великан*, чей голос слышен раз в 40–50 лет и который раз в 70–80 лет из Сюпхан (Сипан) горы на 5–10 дней показывает свой хвост. Однажды он освободился и после того, как, съел всех немрудцев, по велению Бога снова залез в пещеру в горе Сюпхан (Сипан) и остался там жить. Об этом *великане*, если бог пожелает, более подробно напишем во время нашего путешествия в Ван»⁴⁸.

Еще один сюжет подтверждает, что в горе Сипан обитают чудовища. Так, в селе Бостан хая («Сад армянина») недалеко от Маназкерта и горы Сипан есть большая и длинная могила Азнавура (знатного феодала) и огромная площадка, засеянная камнями, которую жители называют Карапартез – «*Каменный сад*». Предание гласит, что некогда юноша похитил красавицу Ширин, воздвиг дворец и запер ее там. Он целыми днями сторожил девушку, чтобы ее не похитили, и тщетно добивался взаимности. Девушка каждый раз ставила трудные условия, которые он выполнял. Однажды она ему сказала: «Распаши этот *каменистый* массив, разбей сад и посади огурцы». Юноша дни и ночи огромной железной лопатой крошил камни, обращая их в землю, и вырастил огурцы. Радостный и уверенный, что красавица наконец согласится стать его женой, он приподносит ей огурцы. Тогда Ширин снова ставит условие: «Пойди к дэвам, что обитают в горе Сипан и принеси от них миску *харисы*, мы вместе съедем и справим свадьбу». Юноша поверил Ширин и снял запоры дверей дворца. Но чудовище все время ходило следом за юношей, постоянно переглядывалось с девушкой и добилось ее любви. Оно проникло во дворец, и они вместе убежали. Юноша, поняв коварство Ширин, покончил с собой. Женщины села

⁴⁷ Գ. Մր լ շ ի ճ ի ն յ ի շ ի ճ. Указ. раб., с. 54.

⁴⁸ Там же, с. 169. «Книга путешествий» Челеби полностью не переведена ни на армянский, ни на русский языки.

В тексте предания важны несколько мотивов: девушка причитала, принесла себя в жертву, юноша разбился «на множество частей» (ср. расчленение возлюбленных Богини или младшего сына Громовержца), могила (resp. усыпальница) – гора Сипан.

Еще один небольшой отрывок легенды о горе Сипан записан этнографом С. Мовсисяном. *«Вершина горы Сипан скрыта во мгле,/ Лишь крики и шум диких птиц слышны./ Кто видел сейчас или в прошлом,/ Чтобы дичь убила охотника? Если вершина Масиса конусообразная, то у Сипана плоская, снежная, похожая на белую корону. Именно эта коронованная вершина является святыней и местом богомолья. Там есть древние могилы азнавуров. Народ идет туда на богомолье, совершает жертвоприношения... На горе находится могила влюбленной пары Сиабанда и Хаче Зарэ, которые нашли там свою погибель»*⁵⁴.

Г. Срвандзтянц позже опубликовал стихотворный вариант текста любовного романа, присланный ему собирателем Л. Максудяном, озаглавленный «Сарэ Сипанэ или Сиамандо и Хачезарэ»⁵⁵. Содержание несколько отличается от приведенного выше, но это наиболее полно сохранившийся вариант.

«Юноше Сиамандо приснилась Хачезарэ, с которой они обменялись кольцами. Тот же сон увидела и Хачезарэ. Утром, обуздав коня, юноша направился в село, где жила девушка. Спешился он у гостеприимной Старухи. Отовсюду неслась пронзительная мелодия зурны. Юноша спросил: «Бабушка, что это за веселье?» Та ответила, что Хачезарэ выдают замуж. Тогда Сиамандо попросил ее отнести весточку Хачезарэ.

Старуха насыпала в платочек изюм и положила туда кольцо, чтобы передать его Хачезарэ. Та приняла подарок, помешала пальчиком изюм и увидела свое кольцо. Поняв, что его послал Сиамандо, Хачезарэ сказала Старухе: «Видишь, сваты здесь. Скажи Сиамандо, что остался один день и единственная возможность быть нам вместе. Утром я пойду на могилу матери проститься. Пусть туда придет Сиамандо и найдет меня». Воротилась Старуха и сообщила все. Не спалось Сиамандо. С ночи он пошел на кладбище, но сон одолел его. На рассвете пришла Хачезарэ, увидела его спящим, постояла, не разбудила, но положила в его карман альчики в знак того, что Сиамандо еще ребенок. Огорченная, она возвратилась домой.

Когда солнце взошло, проснулся Сиамандо, огляделся вокруг и не увидел девушки. В горе он вернулся к Старухе: «Бабушка, я пошел на кладбище, но Хачезарэ не пришла. Сон одолел меня, проснулся – никого не увидел». Тогда Старуха посоветовала проверить содержимое кармана. Сиамандо нашел там альчики, оставленные Хачезарэ.

⁵⁴ *Ս. Մովսիսյանի խոսքերը (Բնիկ)։* Указ. раб., с. 49–50. Вариант записан в Буланыхе, опубликован в 1884 г. в сборнике < *Համալիր-հոսանք* >.

⁵⁵ См.: *Գ. Սրվանդյանի ձեռագրերը*. Указ. раб. Пересказываем поэтическое содержание в прозе с небольшими купюрами.

Горько заплакал Сиамандо и стал просить: «Последний раз пойди к Хачезарэ, пусть она скажет, как мне поступить».

Пошла Старуха и вернулась с ответом: «Если он мужчина, то когда меня будут увозить в дом жениха, пусть на коне преградит дорогу, похитит меня, и мы помчимся на вершину Сипана. Там мы скроемся во мгле и тумане, поселимся в горах и будем любить друг друга».

На следующий день двинулся свадебный поезд с невестой. Вооруженный, на коне, поджидал их Сиамандо. Как молния вторгся он в гущу всадников, схватил нежный стан Хачезарэ, посадил ее к себе на коня и в одно мгновение преодолел трехдневный путь к горе. С той же скоростью мчались за ними гости жениха. Но ближе всех был отважный всадник – жених Хачезарэ.

Спешился Сиамандо, расстелил на земле бурку, опустил на нее Хачезарэ, а сам вернулся, стал биться с преследователями, убил всех и вернулся к девушке. Поднялись они на вершину Сипана. Уставший Сиамандо заснул на коленях у Хачезарэ. Вдруг он почувствовал, что девушка дрожит от страха. Она увидела сорок диких быков и одну корову, пришедших на водопой. Быки начали биться и только один чудовище-бык победил всех и отбил корову.

Сиамандо схватил свой лук и стрелы, бросился за быком и поразил его. Покатился вниз по камням чудовище-бык. Сиамандо кинулся за ним. Разъяренный бык повел рогами, взревел и столкнул Сиамандо. Покатился он по склону горы. Упал юноша спиной на пень и острые ветки орешника. Пронзил орешник его грудь насквозь.

Хачезарэ бросилась вслед за Сиамандо и окаменела (от страха), увидев отрезанную голову быка. Вдруг послышался стон Сиамандо. Посмотрела Хачезарэ на Сиамандо и начала причитать.

«Стрелы и лук Сиамандо серебряные, /Сиамандо, зачем ты гнался за быком! / Ах, не стони, мой Сиамандо, не стони! / ...

На вершине Сипана страшная метель, / Сиамандо, здесь твои лук и стрелы... / Почему не послушался меня? Сказала, не иди! / Положи лук и стрелы, вернись, не иди! / Не иди за быком, не иди! / Пусть живут они вместе, как и мы, не иди!...

Вершина горы Сипан, разлучила ты влюбленных! / Вершина горы Сипан во мгле и тумане! / Сиамандо, здесь твои лук и стрелы! / Кто слышал, чтобы добыча убила охотника?! / Сиамандо, сказала тебе, не иди!...

Вершина горы Сипан в скалах и кустарниках. / Ветер дует, ветер смертоносный и холодный! / Сиамандо, укажи мне дорогу придти к тебе, / Укажи мне дорогу, приду с тобой умереть. / Хачезарэ и Сиамандо захороните под камнями!»

Так она говорила и закрыв глаза, / Бросилась вниз, прошептала: «Мой Сиамандо»... / И Сиамандо еле отозвался: «Моя Хачезарэ»./ И оба вместе замолкли...

Предание гласит, что на их могиле выросли два одинаковых цветка. Каждую весну сюда прилетают две бабочки, порхают вокруг и садятся на эти таинственные цветы»⁵⁶.

И погибший Сиамандо, и убитый бык, и Хачезарэ – все жертвы, а их усыпальница – священная гора Сипан.

К записи «Сар Сипанэ» нет комментариев, но Л. Максудян упоминает, что это *խիշ* – «песня». Вероятно, текст распевался, чередуясь речитативами от имени сказителя. Так, причитания Хачезарэ сопровождаются постоянными рефренами: «*На вершине Сипана страшная метель*», «*Вершина горы Сипан, разлучила ты влюбленных!*», «*Вершина горы Сипан во мгле и тумане!*», «*Вершина горы Сипан в скалах и кустарниках*».

Причитания и рефрены указывают, что они должны сопровождаться ритмичными покачиваниями из стороны в сторону, что характерно для трагических плясок. Об этом свидетельствуют также записи К. Закаряна, С. С. Лисициан и С. Меликяна, А. Арутюняна и наши, где указано, что «Сар Сипанэ Хлатэ» – относится к жанру очень медленных песнеплясок. Готовя к публикации текст «Сар Сипанэ», Г. Срвандзтянц отмечал, что сказители считают Сиамандо сыном армянина Черного Аро, а Хаче-Зарэ – дочь курда. Хаче – по-курдски девушка, а Зарэ – имя ее отца, т.е. дочь Зарэ или Заруи⁵⁷.

Этимология имени Сиамандо не установлена. Известно только, что в персидском и прикаспийских диалектах *siyah/siah* – «черный»⁵⁸, точнее *чернота*. В курдском языке черный – *р'Шш*, черноголовый – *с'Прр'Шш*⁵⁹. Этот факт еще раз указывает, что Сиамандо не курд.

Мы предлагаем вторую часть имени Сиамандо – манд(о) возвести к ведийскому суффиксу *-vant* и его варианту *-mant/d*, которые образуют прилагательные, от основ существительных – «снабженный тем, что выражено именем»⁶⁰. Тогда имя Сиамандо можно понимать как – «Черный». Поэтому оправдано, что армяне считали Сиамандо сыном Черного Аро. Не исключено, что Черный Аро и есть сам Сиамандо, а характеристика его как черного указывает на хтоническую сущность образа, поскольку Азнаура тоже называли дэвом, а также Черным юношей⁶¹.

⁵⁶ Չ. Սրվաշի ձևը յայնպես. Указ. раб., с. 501–507.

⁵⁷ Там же, с. 499.

⁵⁸ *Բեհրնիզ Մնհամիսի Ռնիբարբի Քելարի. Գալեշների ժողովրդական հավատալիքները. Պատմ. գիտ. թեկ. գիտ. աստ. հայցման ատենախոսության սեղմագիր, Երևան, 2012, էջ 14:*

⁵⁹ *Հայ-քրդական բարբառն, կազմեցին Ս. Մխարանդով, Ա. Չաշյան, Երևան, 1957, էջ 304:*

⁶⁰ Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982, с. 164.

⁶¹ О черных, чумазых героях как олицетворении грозовых, темных, дождевых туч либо юношей, прошедших инициацию (ср. основа *krs/krsna* – «черный», т.е. Кришна), существует обширная литература. В то же время считается, что чернота восходит к «подземному, ночному» солнцу. Известны и черноликие богини Black Virgins и, конечно, Золушка.

информанты называли по-армянски: «Сипана Сар». В сборном тексте А. Нерсесяна из 28 строк на армянском языке есть общие мотивы с вариантами Г. Срвандзтянца: «*У горы Сипан круглые склоны, / С четырех сторон пашни... / Я женюсь на тебе, не отдам врагу... С любимой трудно расстаться... Я не покину тебя до могилы... Пусть моя могила будет перед твоим домом... Пусть будут прокляты мои родители... Ты моя, я твой! ... Давай поднимемся в горы // Благословенны будут ее камни*».

В 1932 г. С. Лисициан вместе с музыковедом С. Меликяном, а в 1942 г. с музыковедом М. Агаяном записали два варианта песнепляски «Сар Сипанэ Хлатэ» – регион Алашкерт и Хастур⁶⁷. Текст Алашкерта в относительно сборный, но в них рефрен: «*Учитель мой, учитель мой, / учитель мой, роза, учитель мой!*» и 4 раза повторяется трагическое причитание: «*Ло-ло-ло-ло...*». Но важно, что аналогичные строки встречаются и в публикации Г. Срвандзтянца: «*Гора Сипан в Хлате*», «*На горе Сипан туман*», «*Дикий бык человека убивает*», «*На горе Сипан кричат*». Важно, что есть строка, близкая к характеристике Сипила: «*Под Сипаном трясина*».

Хастурский вариант состоит из двух четверостиший, повторяющих алашкертский рефрен, а также «*На вершине снег да ветер*» и трагическое причитание: «*Ва, вуай, лэ!*»

В армянском языке нет категории рода. Поэтому можно предположить, что под Учителем, которого называют роза, подразумевают жрицу/богиню Спандармат, которая «изображалась красивой рассудительной женщиной с мускусной розой в руке»⁶⁸, т. е. роза – одна из ипостасей богини⁶⁹.

В алашкертском варианте встречается строка: «*В те четыре дня февральских*», а в хастурском: «*Учитель мой, роза, учитель мой! Кто видел розу в феврале?*»

Февраль-март – месяц Спента-Арманти – хранительницы земли, когда прорастает зерно. Это праздник Хамаспат маэдайл или Всех душ, древнейший праздник в честь фраваша, приходящийся на последнюю ночь старого года – 30 числа месяца Спента-Арманти или Спандармат, что предполагает прочную связь между землей (Спента-Арманти) и мертвыми⁷⁰.

Р. Ачарян тоже приводит свидетельство о том, что в зороастрийском календаре был месяц *spandarmat*, название которого перешло в ассирийский

⁶⁷ С. С. Л и с и ц и а н. Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. 1. Ереван, 1958, с. 180, 181, 484–486.

⁶⁸ МНМ, т. 2, см.: Спандарамат.

⁶⁹ Согласно преданию, на могиле Сиамандо и Хачезарэ выросли два одинаковых цветка. Полагаем, что это были розы. У таджиков было принято покойнику, если он был молодым, на лицо прикладывать розы (см.: Б. Х. К а р м ы ш е в а. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы. – Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986, с. 141).

⁷⁰ М. Б о й с. Указ. раб., с. 93, 128.

– *spandarmad* и соответствовало четвертому месяцу года (июнь). Но Г. Алишан упоминает, что правитель Язкерт изменил календарь, переместив название этого месяца на второе место (февраль), сохранив покровительство того же божества⁷¹.

Итак, армянский народ сохранил в фольклорной традиции дату праздника, основные мотивы сюжета и танец, посвященный горе Сипан. Все информанты характеризовали песнепляску «Гора Сипан в Хлате» как медленную, торжественную, с большим количеством пляшущих. Руки их согнуты в локтях вперед на 90°, сцепление мизинцами. Плясовая фигура: два шага-приставки вправо, один шаг-приставка влево. Шаги выполняются с глубокими пружинистыми (трагическими) пригибами и выпрямлением колен. Это танец-жертвоприношение, по всей вероятности, богине любви, плодородия, пашни и земных недр, хозяйке белоснежной, суровой, священной горы Сипан – Спандарамет.

Фригийская гора Сипил тоже связана с мифической персоной – Артемидой – убийцей дочерей Ниобы. Из двадцати четырех центров культов Артемиды не менее восемнадцати сосредоточены в Пелопонесе. Однако считается, что они привнесены из Анатолии карийцами или лелегами⁷².

Недалеко от Сипила сын Тантала (брат Ниобы) Бротей изваял самое древнее изображение Матери богов на утесе Коддина. Значит, там святилище Матери богов Реи (Кибелы), поскольку одно из ее прозвищ по имени местности Сипилена⁷³. Важным для нашей темы является свидетельство Павсания, что танец кордакс, связанный в Олимпии с культом Артемиды, был привнесен из Сипила⁷⁴. Кордакс – комический, разнузданный танец с непристойными движениями⁷⁵, который мог исполняться в каком-то эпизоде мифа. Возможно, он передавал радостный танец Пана, когда Тантал расчленил сына Пелопа, чтобы накормить богов.

Целина (невспаханная земля) в арм. կորդ (ср. с. греч. kordax), а в регионе Басен – կորդէլ – «разделить пашню на небольшие квадраты», вспахать, потом засеять⁷⁶. Царь Фригии Гордий, как и Триптолем, олицетворял тройную вспашку земли и посев⁷⁷. Искусству возделывать землю научила его Деметра (Мать-земля), повелев также научить поднятию целины.

⁷¹ Ղ. Ալիշան. Հայոց հին հավատք կամ հեթանոսական կրոնը, Երևան, 2002, էջ 158:

⁷² Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, с. 274.

⁷³ Страбон, X, 3, 12.

⁷⁴ Павсаний. Описание Эллады, VI, 22, 1.

⁷⁵ ДГРС, с. 970.

⁷⁶ Չ. Ա. Հակոբյան. Ներքին Բասենի ազգագրությունը և բնակչությունը, Երևան, 1974, էջ 132:

⁷⁷ Согласно древневосточной традиции «Царством Фригии» называли также страну мушков, которую локализируют в Тароне и в долине реки Сангарии.

Все богини и боги, наряду с разными праздничными танцами, имели основной ритуальный танец, который носил ее / его имя или прозвище и название праздника данного божества. Таковы, танец Пирра – пирриха, Вакха – вакханалия, Талоса – талалоц или тантелейя, Лабрантоса – лабиринт, Крака – краковяк, Сара / Шара – сарабанда, Ямбы – ямба, Сатра – сатурналии и Кибелы – корибанда и кордакс.

Одним из вариантов таких плясок могла быть армянская песнепляска типа «Гора Сипан в Хлате» как танец Спандарамет – танец в размере спондей, исполнявшийся перед пахотой, т.е. посевом как метафорой похорон зерна (жертвоприношение Богине пашни), бытовавшая издавна в регионах вокруг озера Ван провинции Васпуракан, граничившей с провинцией Кордук на юге и с царством Гордия (Фригия) – на западе. Более того, гора Сипил была святилищем фригийской (страны мушков) Кибелы, а святилищем богини Спандарамет были гора Сипан и храмовое святилище Иннакнеан в регионе Муш-Тарон.

ՍՐԲԱԶԱՆ ԺԱՅՌԵՐ ՄԻՓԱՆ ԵՎ ՄԻՊԻԼ (ԻՇՊԻԼԵ)

ԷՄՄԱ ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ

Ամփոփում

Հայերենում սպանդ՝ «զոհ», «սպանդարան», «զոհարան», փոխառված է իսկ. *sipant / spand* – «զեղել», «զոհել»: Հուն. *spondeo* – «տաղաչալի», «ոտք», *spendo* – «զեղել», իսպ. *sipand* – «զոհել», լատ. *sponda* – «մեռելի պատգարակ», բույս, «սպանդ» – «գրեզմաններում աճող սրբազան խոտ», ռուս. «могильник», պարսկ. *sipand, spenta* – «սուրբ» իմաստներն ամփոփված են «սրբազան զոհ» հասկացության մեջ: Նույն շարքում է Սպանդարամետ / Սանդարամետ ընդերքի աստվածուհու անունը՝ որպես սուրբ և սպանող: Հայ. Միփան և իսկ. / փռուզ. Միպիլ սրբազան ժայռերը Միամանդոյի և Նիորեյի որդի Միպիլի գրեզմաններն են: Միամանդո անունը ստուգաբանում ենք պարսկ. *sijah* – «սև» արմատով և *man(d)* ածանցով՝ դա բացատրելով «սևավոր» նշանակությամբ, որը մականուն է՝ առասպելական «Черный герой», «Черный стрелок».

Տարբեր ազգագրագետների, այդ թվում մեր կողմից գրանցվել է «Մար Միփանը Խյաթում» պարերգը, որը մեկնաբանվում է որպես ողբապար՝ կապված Միփանում զոհված Միամանդոյի հետ: Պելոպի զոհաբերության ժամանակ Միպիլ սարի վրա նույնպես պարել են: Այդ ծիսական պարը կապված է Կիբելայի (Միպիլենայի) պաշտամունքի հետ և կոչվում է *kordax*:

Այսպիսով՝ Միպիլ ժայռը փռուզիացի (մուշք) Կիբելա աստվածուհու սրբավայրն է, իսկ Սպանդարամետի սրբավայրը Միփան և Մշո Բննակնեան վանքերն են:

THE SACRAL ROCKS SIPAN AND SIPIL (ISHPILE)

EMMA PETROSSYAN

S u m m a r y

The Armenian *spand* means “sacrifice”, “altar” derived from the Hitt. *sipant/spand* “libation”, “sacrifice”. The Greek *spondeo* means “metre”, “metric foot”, *spendo* – “libation”; the Hatt. *Sipand* offering “sacrifice”; the Lat. *Sponda* means “catafalque”, *spand* is the sacred plant which grows on the graves; the Russ. *Могильник* means “sepulcher”, “harmala”; the Pers. *sipand, spenta* means “sacral” – all derived from “sacral sacrifice”. The name of Goddess Spandaramet/Sandaramet means “sacral” and “sacrifice”. The Armenian mountain (rock) Sipan is the grave of Siamando, the Phrygian Sipil is the grave Niobe’s son Sipil. The name of Siamando comes from the Pers. root *sijah* – “black” and I.-E. particle *man(d)* – “blackness”. The mythological Siamando and Sipil belonging both as a nickname of Black Hero or Black Hunter.

By many ethnologists and me the lament song and dance “The mountain Sipan in Chlat” over Siamando was recorded. The Phrygian dance *kordax* of the Great Mother-Goddess Kybele danced during the sacrifice of Pelop on the mountain Sipil. So, the Phrygian (Mushk) mountain (rock) Sipil is the sacred place of Goddess Kybele, and the sacred places of Spandaramet are the Armenian Sipan and the sanctuary temple Innaknean in Mush-Taron.